

The background of the cover is a detailed illustration in a traditional Arab style. It depicts a man and a woman in a garden. The woman, on the left, is wearing a green long-sleeved dress under a brown outer garment, with a gold sash. She is leaning her head against the man. The man, on the right, is wearing a blue headscarf and a brown robe. He is holding a small branch with white flowers. The background is a warm brown with golden, swirling patterns. The ground is covered with yellow leaves and small yellow flowers. A small golden bowl is visible on the ground near the woman.

Тысяча и одна ночь

Том XIV

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Тысяча и одна ночь

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том XIV

«ФТМ»

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том XIV / Эпосы, легенды и сказания —
«ФТМ», — (Тысяча и одна ночь)

ISBN 978-5-4467-3003-2

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш. «1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные. Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира. В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

ISBN 978-5-4467-3003-2

© Эпосы, легенды и сказания

© ФТМ

Содержание

Сказка о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице (ночи 863–894)	5
Восемьсот шестьдесят четвёртая ночь	7
Восемьсот шестьдесят пятая ночь	10
Восемьсот шестьдесят шестая ночь	13
Восемьсот шестьдесят седьмая ночь	18
Восемьсот шестьдесят восьмая ночь	21
Восемьсот шестьдесят девятая ночь	24
Ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти	26
Восемьсот семьдесят первая ночь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тысяча и одна ночь. Том XIV

Сказка о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице (ночи 863–894)

Рассказывают также, – начала новую сказку Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы один человек – купец, в земле египетской, по имени Тадж-ад-дин, и был он из числа великих купцов и людей верных и благородных, но только он увлекался путешествиями во все страны и любил ездить по степям, пустыням, равнинам и кручам, и морским островам, ища дирхема и динара. И были у него рабы, невольники, слуги и рабыни, и долго подвергал он себя опасностям, и терпел он в путешествиях то, от чего седыми станут малые дети, и был он среди купцов того времени богаче всех деньгами и прекраснее всех речами. Он обладал конями, и мулами, и верблюдами, двугорбыми и одногорбыми, и были у него кули, мешки и товары, и деньги, и материи неподобные – свёртки тканей из Химса, баальбекские одежды, куски шёлкового полотна, одеяния из Мерва, отрезы индийской материи, багдадские воротники, магрибинские бурнусы, турецкие невольники, абиссинские слуги, румские рабыни и египетские прислужники, и были мешки для его поклажи – шёлковые, так как у него было много денег. И был он редкостно красив, с гибкими движениями и, изгибаясь, вызывал желание, как сказал о нем кто-то из описывающих его:

О, вот купец! Я видел – влюблённые
Сражались все из-за него в битве.
И молвил он: «Чего народ тут шумит?»
И молвил я: «Из-за тебя, купчик!»
А другой сказал, описывая его, и отличился, и выразил о нем
желаемое:

О, вот купец! Для близости он пришёл,
И взорами смутил он мне сердце.
И молвил он: «Чего ты смущаешься?»
И молвил я: «Из-за тебя, купчик!»

И был у этого купца ребёнок мужского пола по имени Али Нур-ад-дин, и был он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца, редкостно красивый и прекрасный, изящный в стройности и соразмерности. И в один из дней этот мальчик сел, по обычаю, в лавке своего отца, чтобы продавать и покупать, брать и отдавать, и окружили его сыновья купцов, и стал он между ними подобен луне средь звёзд, с блистающим лбом, румяными щеками, молодым пушком и телом, точно мрамор, как сказал о нем поэт:

«Опиши нас!» – изрёк красавец.
Молвил я: «Ты лучше всех!»
И сказал я слово кратко:
«Все прекрасно, знай, в тебе!»
А также сказал о нем один из описывающих его:

Вот родинка на поле его ланиты,
Как точка амбры на мраморной тарелке.

А взоров его меч тому вешает:
«Аллах велик!» – кто страсти не послушен.

И сыновья купцов пригласили его и сказали: «О Сиди Нур-ад-дин, мы хотим сегодня погулять с тобой в такомто саду». И юноша ответил: «Я только спрошусь у отца: я могу пойти лишь с его позволения». И когда они разговаривали, вдруг пришёл его отец, Тадж-ад-дин, и его сын посмотрел на него и сказал: «О батюшка, дети купцов приглашают меня погулять с ними в таком-то саду. Позволишь ли ты мне это?» – «Да, о дитя моё», – ответил Тадж-ад-дин. И затем он дал сыну немного денег и сказал: «Отправляйся с ними».

И дети купцов сели на ослов и мулов, и Нур-ад-дин тоже сел на мула и отправился с ними в сад, где было все, что желательно душе и услаждает очи. Там были высокие колонны и строения, уходящие ввысь, и были у сада сводчатые ворота, подобные портику во дворце, и лазоревые ворота, подобные вратам райских садов, привратника которых звали Ридван, а над ними было сто палок с виноградными лозами всевозможных цветов: красных, подобных кораллам, чёрных, точно носы негров, и белых, как голубиные яйца. И были там сливы, гранаты и груши, абрикосы и яблоки – все это разных родов и разнообразных цветов, купами и отдельно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дети купцов, войдя в сад, увидели в нем полностью все, чего желают уста и язык, и нашли там и разноцветный виноград, кучами и отдельно, как сказал о нем поэт:

Виноград вот, а вкус его – вкус напитка,
Цветом мрачен и ворону он подобен.
Средь листвы своей вырос он, и ты видишь –
Пальцам женщин подобен он в тёмной краске.
И сказал о нем также другой поэт:

Вот лозы – с палочек своих свисая,
Они меня напомнят худобою.
Напомнят они мёд и воду в кружке
И, бывши суслом, обратятся в вина.

И потом юноши пришли к беседке в саду и увидели Ридвана, привратника сада, который сидел в этой беседке, точно он, Ридван, – страж райских садов. И они увидели, что на этой беседке написаны такие стихи:

Аллах, напои тот сад, где кисти свисают вниз,
И ветки, упившись сильно, с ними склоняются.
Когда ж заплесать заставит ветки рука ветров»
Украсит их дождь с небес жемчужными точками.
А внутри беседки они увидели такие написанные стихи:

Войдём с тобой, приятель, в прекрасный сад –
Заботы ржу снять сможет он с сердца нам.
Там ветерок, идя, запинается,
И все цветы в руках улыбаются.

И были в этом саду плоды разнообразные и птицы всех родов и цветов: вяхири, соловьи, певчие куropатки, горлинки и голуби, что воркуют на ветвях, а в каналах его была вода текучая, и блистали эти потоки цветами и плодами услаждающими, подобно тому, как сказал поэт:

Ветерок в ветвях пролетел его, и сходство есть
В них с красавицей, что в одежде пышной качается.
А ручьи его нам мечи напомнят, коль вынут их
Руки витязей из теснины ножен, хранящих их.
И также сказал о нем поэт:

Под ветвями струй протянулся ток, и вечно он
Отражает образ прекрасный их в глубине своей.
Но, смекнувши, ветер из ревности полетел к ветвям,
И сейчас же их от сближения отклонил он с ним.

А на деревьях в этом саду было каждого плода по паре, и были в нем гранаты, похожие на кайраванские шарики, как сказал поэт и отличился:

Вот гранаты с тончайшей кожей; сходны
С грудями девы, выступят коль округло.
Когда очистишь их, они покажут
Нам яхонты, смущающие рассудок.
А также сказал о них поэт:

О круглая! Всякому, кто к ней в глубину проник,
Покажет она рубины в складках из Абкара.
Гранат! Я его сравнил, когда увидел его
С грудями невинных дев иль с мраморным куполом.
Больного в нем исцеленье, здравие для него,
О нем изречение пророка пречистого.
О нем говорит Аллах – высоко возвышен он! –
Слова столь глубокие в писанье начертанном.

И были в этом саду яблоки – сахарные, мускусные и даманийские, ошеломляющие взор, как сказал о них поэт:

Вот яблоко двух цветов – напомним смотрящему
Любимого с любящим ланиты, что встретились.
На ветке они блестят, в чудесном несходные.
Один из них тёмный, а другой – в нем сияние.
Обнялись они, и вдруг доносчик их испугал:
Один покраснел, смутясь, другой побледнел в тоске.

И были в этом саду абрикосы, миндальные и камфарные, из Гиляна и Айн-Таба, и сказал о них поэт:

Вот абрикос миндальный – как влюблённый он,
Когда пришёл любимый и смутил его.
А влюблённого в нем довольно качеств, поистине:
Лицом он жёлт, и разбито сердце всегда его.
И сказал о них другой и отличился:

Взгляни на абрикос ты: цветы его –
Сады, чей блеск глаза людей радует.
Как яркие светила, блестят они,
Гордятся ветки блеском их среди листвы.

И были в этом саду сливы, вишни и виноград, исцеляющий больного от недугов и отводящий от головы жёлчь и головокружение, а смоквы на ветвях – красные и зеленые – смущали разум и взоры, как сказал о них поэт:

И мнится, что смоквы, когда видно в них белое
И вместе зеленое среди листвы дерева, –
То румов сыны на вышках грозных дворцов стоят,

Когда опустилась ночь, и настороже они.
А другой сказал и отличился:

Привет наш смоквам, что пришли
На блюде в ровных кучках к нам,
Подобны скатерти они,
Что свёрнута, хоть нет колец.

А другой сказал и отличился:

Насладись же смоквой, прекрасной вкусом, одетою
Дивной прелестью и сближающей внешность с сущностью.
Вкушая их, когда ты их попробуешь,
Ты ромашки запах, вкус сахара почувствуешь
Когда же на подносы высыпают их,
Ты шарам из шелка зеленого уподобишь их.

А как прекрасны стихи кого-то из поэтов:

Сказали они (а любит сердце моё вкушать
Другие плоды, не те, что им так приятны):
«Скажи, почему ты любишь смокву?» И молвил я:
«Один любит смоквы, а другой – сикоморы».

Но ещё лучше слова другого:

Мне нравится смоква лучше всяких других плодов,
Доспеет когда, листвою обвившись блестящей.
Она – как молящийся, а тучи над ним дождят,
И льют своих слез струи, страшатся Аллаха.

И были в этом саду груши – тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов, росшие купами и отдельно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сыновья купцов, когда пришли в сад, увидели там плоды, которые мы упомянули, и нашли груши тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов, росшие купами и отдельно, жёлтые и зеленые, ошеломляющие взор. И поэт сказал о них:

Порадуйся же груше ты! Цвет её
Подобен цвету любящих – бледен он.
Сочтёшь её за деву в плаще её,
Лицо своё завесой закрывшую.

И были в этом саду султанейские персики разнообразных цветов, жёлтые и красные, как сказал о них поэт:

И кажется, что персики в их саду,
Когда румянцем ярким покроются,
Подобны ядрам золота жёлтого,
Которых кровью алой покрасили.

И был в этом саду зелёный миндаль, очень сладкий, похожий на сердцевину пальмы, а косточка его – под тремя одеждами, творением владыки одаряющего, как сказал поэт:

Одежды есть три на теле нежном и сладостном,
Различен их вид – они владыкой так созданы.
Грозят они смертью телу ночью и каждый день,
Хотя заключённый в них и не совершил греха.

А другой сказал и отличился:

Миндаль ты не видишь разве, коли средь ветвей
Покажет его рука закутавшейся?
Очистив его, мы видим сердце его –
С жемчужиной оно схоже в раковине.

Но ещё лучше сказал другой:

Зелёный как красив миндаль!
Ведь самый меньший руку нам
Наполнит! Волоски на нем –
Как безбородого пушок.
А сердце миндаля найдёшь
И парным и единым ты.
И как жемчужина оно,
Что в изумруд заключена.

А другой сказал и отличился:

Подобного глаза мои не видели
Миндалю красой, как распустятся цветы на нем.
Голова его сединой сверкает блестящею,
Когда вырос он, а пушок его ещё зелен все.

И был в этом саду боярышник разнообразной окраски, купами и отдельно, и сказал о нем кто-то из описывавших такие стихи:

Взгляни на боярышник, на ветках нанизанный,
Чванливо, как абрикос, гордится он на сучках.
И кажется желтизна его смотрящим подобною
Бубенчикам, вылитым из яркого золота.

А другой сказал и отличился:

Вот сидра дерево блещет
Красой иной каждодневно,
И ягоды между листьев,
Когда предстанут пред взором, –
Бубенчики золотые,
Повешенные на ветках.

И были в этом саду померанцы, подобные калгану, и сказал о них поэт, от любви обезумевший:

Он красен, в ладонь размером, горд в красоте своей,
Снаружи его огонь, а внутренность – чистый снег,
Но дивным сочту я снег, не тающий близ огня,
И дивным сочту огонь, в котором нет пламени.

А кто-то сказал и отличился:

Вот дерево померанца. Мнится, плоды его,
Предстанут когда они глазам проницательных, –
Ланиты прекрасных жён, убравшихся для красы
В дни праздника и одетых в платья парчовые.

А другой сказал и отличился:

Скажу – померанцев рощи, веет коль ветерок
И ветви под тяжестью плодов изогнулись,
Подобны щекам, красой блестящим, когда в часы
Привета приблизились к ним щеки другие.

А другой сказал и отличился:

Оленя попросили мы: «Опиши
Ты этот сад и в нем померанцы нам».
И молвил он: «Ваш сад – мой лик, а сорвал

Кто померанец, тот сорвал жар огня».

И были в этом саду лимоны, цветом подобные золоту, и спустились они с высочайшего места и свешиваются на ветвях, подобные слиткам золота, и сказал о них порт, безумно влюблённый:

Не видишь ли рощи ты лимонной, что вся в плодах?
Склонились когда, страшна им гибель грозящая.
И кажется нам, когда пронёсся в них ветерок,
Что ветви нагружены тростями из золота.

«И были в этом саду лимоны с толстой кожей, спускавшиеся с ветвей своих, точно груди девушек, подобных газелям, и был в них предел желания, как сказал о них и отличился поэт:

Прекрасный я увидел лимон среди садов сейчас.
На ветках зелёных, – с девы станом сравню я их.
Когда наклоняет ветер плод, он склоняется,
Как мячик из золота на палке смарагдовой.

И были в этом саду сладкие лимоны с прекрасным запахом, подобные куриным яйцам; и желтизна их – украшение плодов, а запах их несётся к срывающему, как сказал кто-то из описывающих:

Не видишь ли лимон – когда явится,
Влечёт к себе все очи сияньем
И кажется куриным яйцом он нам,
Испачканным рукою в шафране.

И были в этом саду всякие плоды, цветы и зелень и благовонные растения – жасмин, бирючина, перец, лаванда и роза, во всевозможных видах своих, и баранья трава, и мирта, и все цветы полностью, всяких сортов. И это был сад несравненный, и казался он смотрящему уголком райских садов: когда входил в него больной, он выходил оттуда, как ярый лев. И не в силах описать его язык, таковы его чудеса и диковинки, которые найдутся только в райских садах; да и как же нет, если имя его привратника – Ридван! Но все же между этими двумя садами – различие.

И когда дети купцов погуляли по саду, они сели, погуляв и походив, под одним из портиков в саду и посадили Нур-ад-дина посредине портика...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сыновья купцов, когда сели под портиком, посадили Нур-ад-дина посредине портика на ковре из вышитой кожи, и он облокотился на подушку, набитую перьями страусов, верх которой был из беличьего меха, и ему подали веер из перьев страуса, на котором были написаны такие стихи:

Вот веер навевает ароматы,
Подобные духам, в минуту счастья.
Всегда ведёт тот благовонный запах
К лицу того, кто славен, благороден.

А потом юноши сняли бывшие на них тюрбаны и одежды и сели, и начали разговаривать и беседовать, соединяя друг с другом концы слов, и каждый из них вглядывался в Нур-ад-дина и смотрел на красоту его облика. И когда они спокойно просидели некоторое время, приблизился к ним чёрный раб, на голове которого была кожаная скатерть для кушанья, уставленная сосудами из хрусталя, так как один из сыновей купцов наказал перед уходом в сад своим домашним, чтобы они прислали её. И было на этой скатерти то, что бегают, и летает, и плавают в морях, – ката, перепёлки, птенцы голубей и ягнята и наилучшая рыба. И когда эту скатерть положили перед юношами, они подошли к ней и поели вдоволь, и, окончив есть, они поднялись от трапезы и вымыли руки чистой водой и мылом, надушённым мускусом, а потом обсушили руки платками, шитыми шёлком и золотыми нитками. И они подали Нур-ад-дину платок, обшитый каймой червонного золота, и он вытер руки, а потом принесли кофе, и юноши выпили сколько кому требовалось и сели за беседу.

И вдруг садовник того сада ушёл и вернулся с корзинкой, полной роз, и спросил: «Что вы скажете, господа наши, о цветах?» И кто-то из сыновей купцов сказал: «В них нет дурного, особенно в розах, от них не отказываются». – «Да, – ответил садовник, – но у нас в обычае давать розы только за стихи под вино, и тот, кто хочет их взять, пусть скажет какие-нибудь стихи, подходящие к месту». А сыновей купцов было десять человек, и один из них сказал: «Хорошо! Дай мне, и я скажу тебе стихи, подходящие к месту». И садовник дал ему пучок роз, и юноша взял его и произнёс такие стихи:

«Для роз у меня есть место,
Они не наскучат вечно.
Все прочие цветы – войско,
Они же – эмир преславный.
Как нет его, так гордятся,
Но явится – и смирятся».

Потом садовник подал пучок роз второму, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Вот тебе роза, о мой господин,
Мускус напомнит дыханье её.
То дева – влюблённый её увидал,
И быстро закрылась она рукавом».

И потом садовник подал пучок роз третьему, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Прекрасные розы! Сердце счастливо, видя их,
А запах напомним нам о недде хорошем.
И обняли ветки их с восторгом своей листвою,
И словно целуют их уста неразлучно».

Потом садовник подал пучок роз четвёртому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Не видишь ли роз куста, в котором явились нам
Столь дивные чудеса, на ветках висящие?
Они – как бы яхонты, везде окружённые
Кольцом изумрудов, с ярким золотом смешанных».

Потом садовник подал пучок роз пятому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Изумруда ветви плоды несут, и видимы
Плоды на них, как слитки золотые.
И как будто капли, что падают с листвы ветвей, –
То слезы томных глаз, когда заплачут».

Потом садовник подал пучок роз шестому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«О роза-все дивные красоты в ней собраны,
И в ней заключил Аллах тончайшие тайны.
Подобна она щекам возлюбленного, когда
Отметил их любящий при встрече динаром».

Потом садовник подал пучок роз седьмому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Вопрошал я: «Чего ты колешься, роза?
Кто коснётся шипов твоих, тут же ранен».
Отвечала: «Цветов ряды – моё войско,
Я султан их и бьюсь шипом, как оружием».

Потом садовник подал пучок роз восьмому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Аллах, храни розу, что стала желта,
Прекрасна, цветиста и злато напомним,
И ветви храни, что родили её
И нам принесли её жёлтые солнца».

Потом садовник подал пучок роз девятому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Жёлтых роз кусты – влечёт всегда прелесть их
К сердцу любящих ликование и радости.
Диво дивное этот малый кустик – напоён он
Серебром текучим, и золото принёс он нам».

Потом садовник подал пучок роз десятому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Ты видишь ли, как войско роз гордится
И жёлтыми и красными цветами?
Для розы и шипов найду сравненье:
То щит златой, и в нем смарагда стрелы».

И когда розы оказались в руках юношей, садовник принёс скатерть для вина и поставил между ними фарфоровую миску, расписанную ярким золотом, и произнёс такие два стиха:

«Возвещает заря нам свет, напои же
Вином старым, что делает неразумным,
Я не знаю – прозрачна так эта влага, –
В чаше ль вижу её, иль чашу в ней вижу».

Потом садовник этого сада наполнил и выпил, и черёд сменялся, пока не дошёл до Нур-ад-дина, сына купца Тадж-ад-дина. И садовник наполнил чашу и подал её Нур-ад-дину, и тот сказал: «Ты знаешь, что это вещь, которой я не знаю, и я никогда не пил этого, так как в нем великое прегрешенье и запретил его в своей книге всевластный владыка». – «О господин мой Нур-ад-дин, – сказал садовник сада, – если ты не стал пить вино только из-за прегрешения, то ведь Аллах (слава ему и величие!) великодушен, кроток, всепрощающ и милостив и прощает великий грех. Его милость вмещает все, и да помилует Аллах кого-то из поэтов, который сказал:

Каким хочешь будь – Аллах поистине милостив,
И коль согрешишь, с тобой не будет дурного.
Лишь два есть греха, и к ним вовек ты не подходи;
Приданье товарищей¹ и к людям жестокость».

А потом один из сыновей купцов сказал: «Заклинаю тебя жизнью, о господин мой Нур-ад-дин, выпей этот кубок!» И подошёл другой юноша и стал заклинать его разводом, и другой встал перед ним на ноги, и Нур-ад-дин застыдился и взял у садовника кубок и отпил из него глоток, но выплюнул его и воскликнул: «Оно горькое!» И садовник сказал ему: «О господин мой Нур-ад-дин, не будь оно горьким, в нем не было бы этих полезных свойств. Разве ты не знаешь, что все сладкое, что едят для лечения, кажется вкушающему горьким, а в этом вине – многие полезные свойства и в числе их то, что оно переваривает пищу, прогоняет огорчение и заботу, прекращает ветры, просветляет кровь, очищает цвет лица и оживляет тело. Оно делает труса храбрым и усиливает решимость человека к совокуплению, и если бы мы упомянули все его полезные свойства, изложение, право, бы Затянулось. А кто-то из поэтов сказал:

Я пил и прощением Аллаха был окружён,
Недуги свои лечил я, чашу держа у губ.
Смутили меня – я знал греховность вина давно –
Аллаха слова, что в нем полезное для людей».

Потом садовник, в тот же час и минуту, поднялся на ноги и, открыв одну из кладовых под этим портиком, вынул оттуда голову очищенного сахара и, отломив от неё большой кусок, положил его в кубок Нур-ад-дина и сказал: «О господин мой, если ты боишься пить вино из-

¹ То есть «придание товарищей» богу – многобожие.

за горечи, выпей его сейчас, – оно стало сладким». И Нур-ад-дин взял кубок и выпил его, а потом чашу наполнил один из детей купцов и сказал: «О господин мой Нур-ад-дин, я твой раб!» И другой тоже сказал: «Я один из твоих слуг». И поднялся третий и сказал: «Ради моего сердца!» И поднялся ещё один и сказал: «Ради Аллаха, о господин мой Нур-ад-дин, залечи моё сердце». И все десять сыновей купцов не отставали от Нур-ад-дина, пока не заставили его выпить десять кубков – каждый по кубку.

А нутро у Нур-ад-дина было девственное – он никогда не пил вина раньше этого часа – и вино закружилось у него в мозгу, и опьянение его усилилось. И он поднялся на ноги (а язык его отяжелел, и речь его стала непонятной) и воскликнул: «О люди, клянусь Аллахом, вы прекрасны и ваши слова прекрасны, и это место прекрасно, но только в нем недостаёт хорошей музыки. Ведь сказал об этом поэт такие два стиха:

Пусти его вокруг в большой и малой чаше,
Бери его из рук луны лучистой.
Не пей же ты без музыки – я видел,
Что даже конь не может пить без свиста».

И тогда поднялся юноша, хозяин сада, и, сев на мула из мулов детей купцов, скрылся куда-то и вернулся. И с ним была каирская девушка, подобная свежему курдюку, или чистому серебру, или динару в фарфоровой миске, или газели в пустыне, и лицо её смущало сияющее солнце: с чарующими глазами, бровями, как изогнутый лук, розовыми щеками, жемчужными зубами, сахарными устами и томными очами; с грудью, как слоновая кость, втянутым животом со свитыми складками, ягодицами, как набитые подушки, и бёдрами, как сирийские таблицы, а между ними была вещь, подобная кошельку, завёрнутому в кусок полотна. И поэт сказал о ней такие стихи:

И если б она явилась вдруг многобожникам,
Сочли бы её лицо владыкой, не идолом.
А если монаху на востоке явилась бы,
Оставил бы он восток, пошёл бы на запад он.
А если бы в море вдруг солёное плюнула,
То стала б вода морская от слюны сладкою.

А другой сказал такие стихи:

Прекраснее месяца, глаза насурьмив, она,
Как лань, что поймала львят, расставивши сети,
Её осенила ночь в прекрасных кудрях её
Палаткою из волос, без кольев стоящей.
На розах щеки её огонь разжигается
Душою расплавленной влюблённых и сердцем,
Когда бы красавицы времён её видели,
То встали б и крикнули: «Пришедшая лучше!»

А как прекрасны слова кого-то из поэтов:

Три вещи мешают посетить нас красавице –
Страшны соглядатаи и злые завистники:
Сияние лба её, её украшений звон

И амбры прекрасной залах в складках одежд её.
Допустим, что лоб закрыть она б рукавом могла
И снять украшения, но как же ей с потом быть?

И эта девушка была подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и было на ней синее платье и зеленое покрывало над блистающим лбом, и ошеломляла она умы и смущала обладателей разума...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что садовник того сада привёл юношам девушку, о которой мы говорили, что она до предела красива, прелестна, стройна станом и соразмерна, и как будто о ней хотел сказать поэт:

Вот явилась в плаще она голубом к нам,
Он лазурным, как неба цвет, мне казался.
И, всмотревшись, увидел я в той же одежде
Месяц летний, сияющий зимней ночью.
А как прекрасны и превосходны слова другого:

Плащом закрывшись, пришла она. Я сказал: «Открой
Нам лицо твоё, светоносный месяц, блестящее».
Она молвила: «Я боюсь позора!» Сказал я: «Брось!
Переменами дней изменчивых не смущайся ты!»
Красоты покров подняла она с ланит своих,
И хрусталь закапал на яхонты горящие.
И решил коснуться устами я щеки её,
Чтоб тягаться с ней в день собрания мне не выпало
И чтоб первыми среди любящих оказались мы,
Кто на суд пришёл в воскресенья день к богу вышнему.
И тогда скажу я: «Продли расчёт и заставь стоять
Ты подольше нас, чтоб продлился взгляд на любимую!»

И юноша-садовник сказал девушке: «Знай, о владычица красавиц и всех блистающих звёзд, что мы пожевали твоего прихода в это место только для того, чтобы ты развлекала этого юношу, прекрасного чертами, господина моего Нур-ад-дина. И он не приходил к нам в это место раньше сегодняшнего дня». – «О, если бы ты мне сказал об этом раньше, чтобы я принесла то, что у меня есть!» – воскликнула девушка. «О госпожа, я схожу и принесу тебе это», – сказал садовник. И девушка молвила: «Делай как тебе вздумалось!» – «Дай мне что-нибудь, как знак», – сказал садовник. И девушка дала ему платок.

И тогда садовник быстро ушёл и отсутствовал некоторое время, а потом вернулся, неся зелёный мешок из гладкого шелка, с двумя золотыми подвесками. И девушка взяла мешок у садовника и развязала его и вытряхнула, и из него выпало тридцать два кусочка дерева, и девушка стала вкладывать кусочки один в другой, мужские в женские и женские в мужские, и, обнажив кисти рук, поставила дерево прямо, и превратилось оно в лютню, полированную, натёртую, изделие индийцев. И девушка склонилась над ней, как мать склоняется над ребёнком, и пощекотала её пальцами руки, и лютня застонала, и зазвенела, и затосковала по прежним местам, и вспомнила она виды, что напоили её, и землю, на которой она выросла и воспиталась. И вспомнила она плотников, которые её вырубили, и лакировщиков, что покрыли её лаком, и купцов, которые её доставили, и корабли, что везли её, и возвысила голос, и закричала, и стала рыдать, и запричитала, и казалось, что девушка спросила её об этом, и она ответила языком обстоятельств, произнося такие стихи:

«Была прежде деревом, пристанищем соловьёв,
И ветви я с ними наклоняла свои в тоске.

Они на мне плакали, я плач их переняла,
И тайну мою тот плач теперь сделал явным.
Безвинно меня свалил на землю рубящий лес,
И сделал меня он лютней стройной, как видите.
Но только удар о струны пальцев вещает всем,
Что страстию я убита, ею пытаема.
И знай, из-за этого все гости застольные,
Услышав мой плач, пьянеют, в страсти безумствуют.
И вышний владыка их сердца умягчил ко мне,
И стали на высшие места возвышать меня,
Мой стан обнимает та, кто выше других красой,
Газель черноглазая с истомными взорами.
И пусть Аллах бдительный нас с нею не разлучит,
И пусть не живёт влюблённый, милых бросающий».

И потом девушка немного помолчала, и положила лютню на колени, и склонилась над ней, как мать склоняется над ребёнком. И потом она ударила по струнам на много ладов, и вернулась к первому ладу, и произнесла такие стихи:

«О, если б влюблённого, свернув, посетили,
То тяжесть с него любви они бы сложили.
И вот соловей в кустах с ним перекликается,
Как будто влюблённый он, а милый далеко.
Проснись же и встань – ведь ночь сближения лунная,
И мнится, в миг близости сияют нам зори,
Сегодня завистники небрежны, забыв о нас,
И струны к уладам нас с тобой призывают.
Не видишь ты, для любви здесь четверо собраны:
То роза и мирты цвет, гвоздика и ландыш.
Сегодня для радости собрались здесь четверо:
Влюблённый, прекрасный друг, динар и напиток.
Бери же ты счастье в жизни-радости ведь её
Исчезнут; останутся лишь слухи и вести».

И Нур-ад-дин, услышав от девушки эти стихи, посмотрел на неё оком любви и едва мог владеть своей душой от великой к ней склонности, и она тоже, так как она посмотрела на всех собравшихся сыновей купцов и на Нурад-дина и увидела, что он среди них – как луна среди звёзд, ибо он был мягок в словах, и изнежен, и совершенен по стройности, соразмерности, блеску и красоте – нежнее ветерка и мягче Таснима, и о нем сказаны такие стихи:

Поклянусь щекою и уст улыбкой прекрасных я,
И стрелами глаз, колдовством его оперёнными,
Нежной гибкостью и стрелою взоров клянусь его,
Белизной чела, чернотой волос поклянусь я,
И бровями, что прогоняют сон от очей моих,
И со мной жестоки в запретах и в повелениях;
Скорпионами, что с виска ползут, поклянусь его,
И спешат убить они любящих, разлучая с ним;
Розой щёк его и пушка я миртой клянусь вам,

И кораллом уст и жемчугом зубов его,
Стройной ветвью стана, плоды принёсшей прекрасные.
То гранат, взрастивший плоды свои на груди его.
Поклянусь я задом, дрожащим так, коль он движется,
Иль покоен он, и тонкостью боков его;
И одежды шёлком, и лёгким нравом клянусь его,
И всей красой, которой обладает он.
Веет мускусом от его дыханья прекраснейшим,
Благовонье ветра напоено ароматом тем,
И также солнце светящее не сравнится с ним,
И луна обрезком ногтей его нам кажется...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нур-ад-дин услышал слова этой девушки и её стихи, ему понравилась их стройность (а он уже склонился от опьянения), и он начал восхвалять её, говоря:

«Лютнистка наклонилась к нам
Охмелела вдруг от вина она, –
И струны молвили её:
«Нам речь внушил Аллах, и он...»

И когда Нур-ад-дин проговорил эти слова и сказал свои нанизанные стихи, девушка посмотрела на него оком любви, и увеличилась её любовь и страсть к нему. Она удивилась его красоте, прелести, тонкости его стана и соразмерности и, не владея собой, ещё раз обняла лютню и произнесла такие стихи:

«Бранит он меня, когда на него смотрю я,
Бежит от меня, а дух мой в руках он «держит.
Он гонит меня, но что со мной-он знает,
Как будто Аллах поведал ему об этом.
Я лик его в ладони начертала
И взору: «Утешайся им!» – сказала:
Мой глаз ему замены не увидит,
И сердце мне не даст пред ним терпенья.
О сердце, из груди тебя я вырву!
Ведь ты завидуешь, как и другие!
И как скажу я сердцу: «О, утешься!»
К нему лишь одному стремится сердце».

А когда девушка произнесла эти стихи, Нур-ад-дин удивился красоте её стихотворения, красноречию её слов, нежности её выговора и ясности её языка, и ум его улетел от сильной страсти, тоски и любовного безумия. Он не мог терпеть без неё ни минуты и, наклонившись к ней, прижал её к груди, и она тоже бросилась к нему и вся оказалась близ него. Она поцеловала его между глаз, а он поцеловал её в уста, сжав сначала её стан, и начал играть с нею, целуясь, как клюются голубки. И девушка повернулась к нему и стала делать с ним то же, что он делал с нею, и присутствующие обезумели и поднялись на ноги, и Нур-ад-дин застыдился и снял с неё руку. А потом девушка взяла лютню и, ударив по струнам на много ладов, вернулась к первому ладу и произнесла такие стихи:

«Вот луна, что меч обнажает век, когда сердится,
А смотря, она над газелями издевается.
Вот владыка мой, чьи прелести – войска его,
И в сражении нам копье напомнит стан его.
Коль была бы нежность боков его в душе его,
Не обидел бы он влюблённого, не греюил бы он.
О жестокость сердца и бока нежность! Не можете ль
Поменяться местом-туда оттуда сдвинуться?
О хулитель мой, за любовь к нему будь прощающим!

Ведь тебе остаться с красой его, и погибнуть-мне!»

И Нур-ад-дин, услышав слова девушки и её дивно нанизанные стихи, наклонился к ней в восторге, и он не владел умом от сильного удивления. А потом он произнёс такие стихи:

«За солнце её я счёл-она мне привиделась,
Пожар её пламени пылает в душе моей.
Что стоит ей знак подать нам иль нас приветствовать
Концами прекрасных пальцев и головой кивнуть?
Увидел он лик её блестящий, и молвил он,
Смущённый красой её, что выше красы самой:
«Не это ли та, в кого влюблён так безумно ты?
Поистине, ты прощён!» И молвил я: «Это та,
Что бросила стрелы глаз в меня и не сжалилась
Над тем, как унижен я, и сломлен, и одинок».
И сделался я души лишённым, и я влюблён,
Рыдаю и плачу я весь день и всю ночь теперь».

И когда Нур-ад-дин окончил свои стихи, девушка удивилась его красноречию и тонкости и, взяв лютню, ударила по ней самыми лучшими движениями и снова перебрала все напевы, а потом она произнесла такие стихи:

«Твоего лица поклянусь я жизнью, о жизнь души, –
Я тебя не брошу, лишусь надежды или не лишусь!
Коль суров ты будешь, то призрак твой со мной сблизится,
А уйдёшь когда, развлечёт меня о тебе мечта.
О очей моих избегающий! Ведь знаешь ты,
Что не кто иной, лишь любовь к тебе, теперь мне друг,
Твои щеки – розы, слюна твоя – вина струя,
Не захочешь ли подарить мне их здесь в собрании?»

Нур-ад-дин пришёл от декламации девушки в величайший восторг и удивился ей величайшим удивлением, а потом он ответил на её стихи такими стихами:

«Едва показала лик мне солнца она в ночи,
Как скрылся сейчас же полный месяц на небесах,
Едва лишь явила утра оку чело своё,
Сейчас же заря стала быстро бледнеть.
Заимствуй у токов слез моих непрерывность их,
Предание о любви ближайшим путём веди.
Нередко говаривал я той, что разит стрелой:
«Потише со стрелами – ведь в страхе душа моя».
И если потоки слез моих я произведу
От Нила, то страсть твоя исходит из Малака
Сказала: «Все деньги дай!» Ответил я ей: «Бери!»
Сказала: «И сон твой также!» Я ей: «Возьми из глаз!»

И когда девушка услышала слова Нур-ад-дина и его прекрасное изъяснение, её сердце улетело, и ум её был ошеломлён, и юноша завладел всем её сердцем. И она прижала его к

груди и начала целовать его поцелуями, подобными клеванью голубков, и юноша тоже отвечал ей непрерывными поцелуями, но преимущество принадлежит начавшему прежде. А кончив целовать Нур-ад-дина» девушка взяла лютню и произнесла такие стихи:

«Горе, горе мне от упрёков вечных хулителя!
На него ль другим, иль ему на горе мне сетовать?
О покинувший! Я не думала, что придётся мне
Унижения выносить в любви, коль ты стал моим.
Ты жестоким был с одержимым страстью в любви его,
И открыла я всем хулителям, как унизилась.
Ведь вчера ещё порицала я за любовь к тебе,
А сегодня всех, кто испытан страстью, прощаю я.
И постигнет если беда меня от тебя вдали,
То, зовя Аллаха, тебя я кликну, о Али!»

А окончив своё стихотворение, девушка произнесла ещё такие два стиха:

«Влюблённые сказали: «Коль не даст он нам
Своей слюны напиться влагой сладостной,
Мы миров владыке помолимся», – ответит он»
И все о нем мы скажем вместе: «О Али!»

И Нур-ад-дин, услышав от этой девушки такие слова и нанизанные стихи, удивился красноречию её языка и поблагодарил её за изящество и разнообразие её речей, а девушка, когда услышала похвалы Нур-ад-дина, поднялась в тот же час и минуту на ноги и сняла с себя бывшие на ней одежды и украшения и, обнажившись от всего этого, села Нур-ад-дину на колени и стала целовать его между глаз и целовать родинки на его щеках. Она подарила ему все, что было на ней...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка подарила Нур-ад-дину все, что на ней было, и сказала: «Знай, о возлюбленный моего сердца, что подарок – по сану дарящего». И Нур-ад-дин принял от неё это и затем возвратил ей подарок обратно и стал её целовать в рот, щеки и в глаза, а когда это окончилось (вечен только живой, самосущий, наделяющий и павлина и сову!), Нур-ад-дин поднялся от своего места и встал на ноги, и девушка спросила его: «Куда, о мой господин?» – «В дом моего отца», – ответил Нур-ад-дин. И сыновья купцов стали заклинать его, чтобы он спал у них, но Нур-ад-дин отказался и, сев на своего мула, поехал и ехал до тех пор, пока не достиг дома своего отца.

И его мать поднялась для него и сказала: «О дитя моё, какова причина твоего отсутствия до этого времени? Клянусь Аллахом, ты расстроил меня и твоего отца своим отсутствием, и наше сердце было занято тобою!» И затем его мать подошла к нему, чтобы поцеловать его в рот, и почувствовала запах вина и воскликнула: «О дитя моё, как это, после молитвы и набожности, ты стал пить вино и ослушался того, в чьих руках творение и повеленье!» «И когда они разговаривали, вдруг пришёл его отец, и Нур-ад-дин бросился на постель и лёг. «Что это такое с Нур-ад-дином?» – спросил его отец. И мать его сказала: «У него как будто заболела голова от воздуха в саду». И тогда отец Нур-ад-дина подошёл к нему, чтобы спросить, что у него болит и поздороваться с ним, и почувствовал от него запах вина. А этот купец, по имени Таджад-дин, не любил тех, кто пьёт вино, и он сказал своему сыну: «Горе тебе, о дитя моё, разве твоя глупость дошла до того, что ты пьёшь вино!» И, услышав слова своего отца, Нур-ад-дин поднял руку, будучи пьян, и ударил его, и, по предопределённому велению, удар пришёлся в правый глаз его отца, и он вытек ему на щеку, и отец Нурад-дина упал на землю, покрытый беспамятством, и пролежал без чувств некоторое время. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся от обморока и хотел побить Нур-ад-дина, но его мать удержала его. И Таджад-дин поклялся разводом с его матерью, что, когда настанет утро, Нур-ад-дину обязательно отрубят правую руку.

И когда мать Пур-ад-дина услышала слова его отца, её грудь стеснилась, и она испугалась за сына. Она до тех пор уговаривала его отца и успокаивала его сердце, пока Тадж-ад-дина не одолел сон, и, подождав, пока взошла луна, она подошла к своему сыну (а его опьянение уже прошло) и сказала ему: «О Нур-ад-дин, что это за скверное дело ты сделал с твоим отцом?» – «А что я сделал с моим отцом?» – спросил Нур-ад-дин. И его мать сказала: «Ты ударил его рукой по правому глазу, и он вытек ему на щеку, и твой отец поклялся разводом, что, когда настанет утро, он обязательно отрубит тебе правую руку». И Нур-ад-дин стал раскаиваться в том, что из-за него произошло, когда не было ему от раскаянья пользы, и его мать сказала: «О дитя моё, это раскаянье тебе не поможет, и тебе следует сейчас же встать и бежать, ища спасения твоей души. Скрывайся, когда будешь выходить, пока не дойдёшь до кого-нибудь из твоих друзей, а там подожди и посмотри, что сделает Аллах. Он ведь изменяет одни обстоятельства за другими».

И потом мать Нур-ад-дина отперла сундук с деньгами и, вынув оттуда мешок, в котором было сто динаров, сказала сыну: «О дитя моё, возьми эти динары и помогай себе ими в том, что для тебя полезно, а когда они у тебя выйдут, о дитя моё, пришли письмо и уведоми меня, чтобы я прислала тебе другие. И когда будешь присылать мне письма, присылай сведения о себе тайно: может быть, Аллах определит тебе облегчение, и ты вернёшься в свой дом». И потом она простилась с Нур-ад-дином и заплакала сильным плачем, больше которого нет, а Нур-ад-дин взял у матери мешок с динарами и хотел уходить. И он увидел большой мешок, который его мать забыла возле сундука (а в нем была тысяча динаров), и взял его, и, привязав

оба мешка к поясу, вышел из своего переулка. И он направился в сторону Булака, раньше чем взошла заря.

И когда наступило утро и люди поднялись, объявляя единым Аллаха, владыку открывающего, и все вышли туда, куда направлялись, чтобы раздобыть то, что уделил им Аллах, Нур-ад-дин уже достиг Булака. И он стал ходить по берегу реки и увидел корабль, с которого были спущены мостки, и люди спускались и поднимались по ним, а якорей у корабля было четыре, и они были вбиты в землю. И Нур-ад-дин увидел стоявших матросов и спросил их: «Куда вы едете?» – «В город Искандарию», – ответили матросы. «Возьмите меня с собой», – сказал Нур-ад-дин. И матросы ответили: «Приют, уют и простор тебе, о юноша, о красавец!» И тогда Нур-ад-дин в тот же час и минуту поднялся и пошёл на рынок и купил то, что ему было нужно из припасов, ковров и покрывал, и вернулся на корабль, а корабль был уже снаряжён к отплытию.

И когда Нур-ад-дин взошёл на корабль, корабль простоял с ним лишь недолго и в тот же час и минуту поплыл, и этот корабль плыл до тех пор, пока не достиг города Рушейда. И когда туда прибыли, Нур-ад-дин увидел маленькую лодку, которая шла в Искандарию, и сел в неё и, пересекши пролив, ехал до тех пор, пока не достиг моста, называемого мост Джами. И Нур-ад-дин вышел из лодки и вошёл через ворота, называемые Ворота Лотоса, и Аллах оказал ему покровительство, и не увидел его никто из стоявших у ворот. И Нур-ад-дин шёл до тех пор, пока не вошёл в город Искандарию...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин вошёл в город Искандарию и увидел, что это город с крепкими стенами и прекрасными местами для прогулок. И он услаждает обитателей и внушает желание в нем поселиться, и ушло от него время зимы с её холодом, и пришло время весны с её розами; цветы в городе расцвели, деревья покрылись листьями, плоды в нем дозрели и каналы стали полноводны. И это город, прекрасно построенный и расположенный, и жители его – солдаты из лучших людей. Когда запираются его ворота, обитатели его в безопасности, и о нем сказаны такие стихи:

Сказал однажды я другу,
Чьи речи красноречивы:
«Искандарию опишешь?»
Он молвил: «Дивная крепость!»
Спросил я: «Прожить в ней можно ль?»
Он молвил: «Коль дует ветер»,
И сказал кто-то из поэтов:
Искандария – вот крепость,
Где воды так нежны вкусом.

Прекрасна в ней близость милых, Коль вороны не напали, И Нур-ад-дин пошёл по этому городу и шёл до тех пор, пока не пришёл на рынок столяров, а потом пошёл на рынок менял, потом – на рынок торговцев сухими плодами, потом – на рынок фруктовщиков, потом – на рынок москательщиков, и он все дивился этому городу, ибо качества его соответствовали его имени.

И когда он шёл по рынку москательщиков, вдруг один человек, старый годами, вышел из своей лавки и, пожелав Нур-ад-дину мира, взял его за руку и пошёл с ним в своё жилище. И Нур-ад-дин увидел красивый переулок, подметённый и политый, и веял в нем ветер, и был приятен, и осеняли его листья деревьев. В этом переулке было три дома, и в начале его стоял дом, устои которого утвердились в воде, а стены возвысились до облаков небесных, и подмели двор перед этим домом, и полили его, и вдыхали запах цветов те, кто подходил к нему, и встречал их ветерок, точно из садов блаженства, и начало этого переулка было выметено и полито, а конец – выложен мрамором.

И старец вошёл с Нур-ад-дином в этот дом и предложил ему кое-чего съестного, и они стали есть, и когда Нур-ад-дин покончил с едой, старец спросил его: «Когда было прибытие из города Каира в этот город?» – «О батюшка, сегодня ночью», – ответил Нур-ад-дин. «Как твоё имя?» – спросил старец. И Нур-ад-дин ответил: «Али Нурад-дин». И тогда старец воскликнул: «О дитя моё, о Нурад-дин, тройной развод для меня обязателен! Пока ты Оудешь находишься в этом городе, не расставайся со мной, и я отведу тебе помещение, в котором ты будешь жить». – «О господин мой шейх, увеличь моё знакомство с тобой», – сказал Нур-ад-дин. И старец молвил: «О дитя моё, знай, что я в каком-то году пришёл в Каир с товарами и продал их там и купил других товаров. И мне понадобилась тысяча динаров и их отвесил за меня твой отец Тадж-ад-дин, не зная меня, и он не написал о них свидетельства, и ждал этих денег, пока я не вернулся в этот город и не отослал их ему с одним из моих слуг, и с ними подарок. Я видел тебя, когда ты был маленький, и если захочет великий Аллах, я отчасти воздам тебе за то, что твой отец для меня сделал».

И когда Нур-ад-дин услышал эти слова, он проявил радость и улыбнулся и, вынув мешок, в котором была тысяча динаров, подал его старику и сказал: «Возьми их к себе на хранение, пока я не куплю на них каких-нибудь товаров, чтобы торговать ими».

И потом Нур-ад-дин провёл в городе Искандарии несколько дней, и он каждый день гулял по какой-нибудь улице, ел, пил, наслаждался и веселился, пока не вышла сотня динаров, которую он имел при себе на расходы. И он пошёл к старику москательщику, чтобы взять у него сколько-нибудь из тысячи динаров и истратить их, и не нашёл его в лавке, и тогда он сел в лавке, ожидая, пока старик вернётся. И он начал смотреть на купцов и поглядывал направо и налево.

И когда он так сидел, вдруг приехал на рынок персиянин, который сидел верхом на муле, а сзади него сидела девушка, похожая на чистое серебро, или на палтус в водоёме, или на газель в пустыне. Её лицо смущало сияющее солнце, и глаза её чаровали, а грудь походила на слоновую кость; у неё были жемчужные зубы, втянутый живот и ноги, как концы курдюка, и была она совершенна по красоте, прелести, тонкости стана и соразмерности, как сказал о ней кто-то:

И будто сотворена она, как желал бы ты, –
В сиянье красы-не длинной и не короткою.
Краснеет в смущенье роза из-за щеки её,
И ветви смущает стан с плодами расцветшими.
Как месяц, лицо её, как мускус, дыхание,
Как ветвь, её стан, и нет ей равной среди людей.
И кажется, вымыта жемчужной водой она,
И в каждом из её членов блещет луна красы.

И персиянин сошёл с мула и свёл на землю девушку, а потом он кликнул посредника и, когда тот предстал перед ним, сказал ему: «Возьми эту девушку и покричи о ней на рынке». И посредник взял девушку и вывел её на середину рынка. Он скрылся на некоторое время и вернулся, неся скамеечку из чёрного дерева, украшенную белой слоновой костью, и поставил скамеечку на землю, и посадил на неё девушку, а потом он поднял покрывало с её лица, и явилось из-под него лицо, подобное дейлемскому щиту или яркой звезде, и была эта девушка подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и обладала пределом блестящей красоты, как сказал о ней поэт:

Соперничал с ней красою месяц по глупости
Пристыженный он ушёл, от гнева расколотый.
А дерево бана, коль со станом сравнять её,
Пусть руки погибнут той, кто будет дрова носить!
А как хороши слова поэта:

Скажи прекрасной в покрывале с золотом:
«Что ты сделала с мужем праведным и набожным?»
Покрывала блеск и лица сиянье, им скрытого,
Обратили в бегство войска ночей своей яркостью.
И пришёл когда мой неслышно взор, чтобы взгляд украсть,
Метнули стражи ланит её звездой в него.

И посредник спросил купцов: «Сколько вы дадите за жемчужину водолаза и за газель, ускользнувшую от ловца?» И один из купцов сказал: «Она моя за сто динаров!» А другой сказал: «За двести динаров». А третий сказал: «За триста динаров». И купцы до тех пор пабавляли

цену за эту девушку, пока не довели её до девятисот и пятидесяти, и продажа задерживалась только из-за предложения и согласия...»²

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

² По мусульманскому закону торговая сделка считается совершившейся лишь в том случае, если продавец и покупатель в присутствии свидетелей словесно выразили намерение – первый продать товар, а второй – купить его. Сговорившись с покупателем о цене, продавец говорит: «Я продал тебе», после чего он уже не может отказаться от продажи и обязан уступить вещь за предложенную цену.

Восемьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купцы набавляли за девушку, пока её цена не дошла до девятисот пятидесяти динаров.

И тогда посредник подошёл к персиянину, её господину, и сказал ему: «Цена за твою невольницу дошла до девятисот пятидесяти динаров. Продашь ли ты её, а мы получим для тебя деньги?» – «А девушка согласна на это?» – спросил персиянин. – Мне хочется её уважить, так как я заболел во время этого путешествия, и девушка прислуживала мне наилучшим образом. Я поклялся, что продам её лишь тому, кому она захочет и пожелает, и оставлю её продажу в её руках. Спроси же её, и если она скажет: «Согласна», продай её кому она пожелает, а если скажет: «Нет», не продавай.

И посредник подошёл к девушке и сказал: «О влады» чица красавиц, знай, что твой господин оставил дело продажи в твоих руках, а цена за тебя дошла до девятисот пятидесяти динаров; позволишь ли ты мне тебя продать?» – «Покажи мне того, кто хочет меня купить, прежде чем заключать сделку», – сказала девушка посреднику. И тот подвёл её к одному из купцов, и был это старик, престарелый и дряхлый.

И девушка смотрела на него некоторое время, а потом обернулась к посреднику и сказала: «О посредник, что ты – бесноватый или твой разум поражён?» – «Почему, о владычица красавиц, ты говоришь мне такие слова?» – спросил посредник. И девушка воскликнула: «Разве дозволяет тебе Аллах продать меня этому дряхлому старику, о жене которого сказаны такие стихи:

Она говорит, сердясь в изнеженности своей
(А раньше звала меня к тому, что не вышло):
«Не можешь когда сойтись со мною, как муж с женой,
Тогда не брани меня, коль станешь рогатым.
И кажется мне твой айр по мягкости восковым,
И как я ни тру его рукою, он гнётся».
И сказано ещё об его айре:

Спит мой айр (как презрен он и несчастен!)
Всякий раз как сойтись хочу я с любимым.
А когда я один сижу в моем доме,
Ищет айр мой сражения, ищет боя.
И сказано ещё об этом айре:

Мой айр – нехороший, он очень жесток,
И мирно встречает он чтящих его.
Как сплю, он встаёт, а как встану, он спит.
Аллах, не помилуй того, кто с ним добр!»

И когда старшина купцов услышал от девушки эту безобразную насмешку, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привёл к нам на рынок злосчастную невольницу, которая дерзит мне и высмеивает меня среди купцов!» И тогда посредник взял девушку, и ушёл от него, и сказал девушке: «О

госпожа, не будь невежливой: старик, которого ты высмеяла, – старшина рынка и надсмотрщик за ценами³

³ Надсмотрщик за ценами (по-арабски – «мухтасиб») должен был следить за соблюдением законов ислама в торговой и общественной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.